

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 329(470)

Журавлев В.В.

Московский государственный областной университет

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

V. Zhuravlev

Moscow State Regional University

RUSSIAN LIBERALISM IN THE CONTEXT OF MODERN STUDIES

Аннотация. В статье с позиций историографического подхода рассматриваются проявившие себя в два последних десятилетия процессы приращения знания по проблемам российского либерализма – как течения социальной мысли и общественно-политического движения – в его прошлом и настоящем. Подчеркивается, что определенный ренессанс либеральной идеологии и либерального социального движения в современной России ещё впереди. Но не в виде претензий на единоличный диктат, на «второй раунд» в продолжение прерванного обществом на исходе 90-х гг. прошлого века радикального социального эксперимента, а в форме органической составляющей интегральной модели отечественной модернизации.

Ключевые слова: российский либерализм, источники и литература, общественная мысль, политические партии, социально-политические движения, цивилизационная и модернизационная идентичность российского общества.

Abstract. From the point of view of historiographical approach the article considers the augmentation of knowledge about Russian liberalism as a social thought and political movement in its past and present which took place during the last two decades. The author argues that the Renaissance of modern Russian liberal ideology and liberal social movement is yet to come and not in the form of dictatorship or claims for “the second round” of the radical social experiment which took place in the late 1990s and was rejected by the society, but as integral component of the Russian model of modernization.

Key words: Russian liberalism, sources and literature, social thought, political parties, social political movements, civilization and modernization identity of the Russian society.

Два десятилетия развития отечественной исторической науки в условиях мировоззренческого, идейного, историографического и общественно-политического плюрализма постсоветского этапа эволюции российского общества – вполне достаточный срок для подведения первых итогов. Именно в этом русле правомерно рассматривать состоявшуюся в Москве в конце октября 2010 г. международную научную конференцию «Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления».

© Журавлев В.В., 2011.

В качестве организаторов этого знакового научного форума выступили Отделение историко-филологических наук РАН, Институт общественной мысли (ИОМ), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Институт современного развития (ИНСОП), Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», Германский исторический институт (Москва), Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве. Фундаментальный том материалов конференции, подготовленный издательством «Российская политическая энциклопедия» и выпущенный в свет в 2011 г., свидетельствует о масштабах, направлениях и результатах усилий как отечественных, так и зарубежных обществоведов в углубленном познании актуальных проблем многовекового развития социальной мысли в нашей стране.

Указанные материалы свидетельствуют о том, что конференция в решающей мере обозначила промежуточный результат начавшейся с конца 80-х гг. прошлого столетия масштабной исследовательской работы по изучению и обобщению богатейшего интеллектуального, духовно-нравственного и общественно-политического багажа, накопленного российской цивилизацией за века её саморазвития.

Этот напряженный исследовательский поиск, развернувшийся в пору кардинальных общественно-политических перемен, правомерно рассматривать как определенный ответ на ярко проявляющуюся ныне тенденцию развития наук об обществе в направлении их интеграции, освоения пространств и стыков междисциплинарного характера. В то же время это и реакция на стремление к получению цельного знания об обществе — живом социальном организме, сотканном из атомов неповторимых человеческих индивидуальностей.

Опора на концепт мышления — как «нового сотворения мира», по крылатому выражению Альбера Камю — в качестве способа решения данной задачи представляется весь-

ма и весьма перспективной в свете новейших вызовов и запросов современной науки и социальной практики. Вместе с тем — это и ответ на реалии и потребности формирующейся в нашей стране *системы* мировоззренческого плюрализма.

В процессе реализации этих инновационных задач современного обществознания важно было предоставить трибуну для *равноправного*, без какой-либо дискриминации и пристрастности, дискурса представителям всех социально значимых — в контексте последующего исторического опыта — направлений общественной мысли страны. Вне зависимости от того, какую роль они в свое время сыграли в истории и какая судьба их впоследствии постигла. И этим самым внести посильный вклад в преодоление по сей день процветающей в определенных слоях отечественной интеллигенции, в современных партийно-политических кругах психологии идеологической самодостаточности и «партийного нигилизма». Той самой атмосферы, когда в интеллектуальных достижениях нации видят и ценят только то, что укладывается в рамки собственных мировоззренческих предпочтений и политических ориентаций.

В русле реализации вышеупомянутых задач своё законное место в палитре общественно-политических направлений мысли и социального действия в дореволюционной России получил и отечественный либерализм. Интерес к нему многократно усиливала «мода на либерализм». Её породили претензии (как впоследствии стало очевидным — несостоятельные) ярко проявивших себя на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века радикальных сил, называвших себя «демократами» и шумно декларировавших свою якобы генетическую связь с дореволюционным российским либерализмом.

Так или иначе, но изучение отечественного либерализма, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время, проводилось и проводится не в изолированном виде, а в тесной связи и диалектическом взаимодействии с другими течениями общественной мысли, с которыми либерализм либо взаимодействовал, либо

идеологически и политически боролся. В том числе с консерватизмом различных оттенков и революционным радикализмом неонароднического и социалистического толка. Необходимой предпосылкой для развёртывания данной работы стало введение в научный оборот мощных массивов малодоступных или совсем недоступных ранее исследователям первоисточников.

Уже в 1995 г. вышло в свет первое в отечественной и зарубежной историографии фундаментальное, выполненное на академическом уровне издание программных документов основных общероссийских и национальных политических партий различных направлений [21]. В нем, наряду с партийными документами монархического, консервативного, неонароднического и социал-демократического направлений, был опубликован комплекс программ либеральных партий: как общероссийских (Конституционно-демократическая партия, Союз 17 октября, Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов), так и национально-региональных (Демократическая партия Литвы, Армянская народная партия «Рамкавар», Грузинская национально-демократическая партия, Казахская партия «Алаш» и др.).

Источниковедческим и историографическим фактом принципиального характера в плане изучения российской многопартийности начала прошлого столетия стало издание многотомной серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 декабря 2003 г. коллективу подготовителей этой уникальной серии, на тот момент насчитывавшей 24 тома в 28 книгах, была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники за 2002 г.

Работавший над проектом коллектив специалистов Центра политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) позднее сменил свою юрисдикцию, перейдя почти в

полном составе в ведение Росархива и образовав в ноябре 2001 г. в составе Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) Центр по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций Федеральных государственных архивов, который продолжил работу над документальным изданием по истории российской многопартийности. К настоящему моменту вышло в свет более 50 томов этого уникального проекта. И завершение его не предвидится.

Самое пристальное внимание в данном издании уделено документам либерального движения и либеральных партий, действовавших как в России, так и – после Октября 1917 г. – в эмиграции [19; 10; 25; 23; 2; 18; 17].

Потребность в систематизации накопленных знаний по проблемам дореволюционной российской многопартийности вызвала к жизни уже в середине 1990-х гг. посвященное этой проблеме энциклопедическое издание [20], в котором либеральное движение и либеральные партии России начала XX столетия органично вплетены в контекст общественно-политического движения страны в целом.

Но это было только началом. Условия болезненно протекающего становления такого необычного для нашей страны явления, как мировоззренческий и общественно-политический плюрализм, буквально продиктовали необходимость в мобилизации и упорядоченном представлении мыслящей российской общественности богатейшего и удивительно разнообразного наследия отечественной общественной мысли за века её существования и динамичного развития. Осознание этой необходимости вызвало к жизни другой масштабный проект, задача которого заключалась в том, чтобы представить в систематизированном на энциклопедическом уровне виде основные этапы и направления отечественной общественной мысли за века её динамичного саморазвития [8].

Тема либерализма отчётливо прозвучала – как на уровне обобщающих, проблемных, аналитических материалов, так и в виде статей персонального характера – уже в издан-

ной в 2005 г. энциклопедии, посвященной общественной мысли нашей страны в диапазоне её развития от ХУШ до начала ХХ столетия [14]. В следующей энциклопедии была систематизирована и обобщена богатейшая информация, посвященная судьбе российских либералов и их организаций, вынужденных жить, мыслить и действовать в условиях политической эмиграции [16]. Всё это стало весомой предпосылкой для подготовки и издания специальной энциклопедии, раскрывающей все грани теоретического наследия и все этапы становления и эволюции отечественного либерального движения [24; один из первых откликов на это издание: 9].

В работе над данным изданием, как подчеркнул в своей вступительной статье его ответственный редактор профессор В.В. Шелохаев, было задействовано 120 исследователей: историков, философов, социологов, экономистов, юристов, политологов, культурологов. Это позволило в систематизированном виде представить весь комплекс проблем истории российского, а также европейского либерализма в историческом пространстве его эволюции с середины ХУШ до начала ХХ столетия. В издании присутствуют статьи понятийного характера, широко представлены институциональные основы либерального движения (партии, союзы, общества, клубы). Подробно раскрывается практическая деятельность российских либералов во всё её разнообразие: банкетная кампания 1904-1905 гг., выборы в Государственную думу и Всероссийское Учредительное собрание, законодательная деятельность либеральных фракций Государственной думы всех её созывов на протяжении 1906 – 1917 гг. и т. д. Более половины статей энциклопедии отдано статьям персонального характера, посвящено теоретикам, идеологам, философам, экономистам, социологам, юристам, общественным деятелям, политикам либеральной направленности. При этом впервые объектом внимания стали не только представители столичной (петербургской и московской), но и региональной и национальной политической элиты Российской империи. Две

другие, сопутствующие вышеуказанной, энциклопедии подробно раскрывают участие либеральных деятелей в практической работе Государственной думы и Государственного совета предреволюционной России [3; 4; 5].

Наконец, органическим дополнением к вышеуказанным разработкам стало не имеющее аналогов в отечественной и мировой науке издание «Библиотеки отечественной общественной мысли» в 119 томах. Комплексный подход к анализу интеллектуального богатства, заключенного в помещенных в данных томах произведениях отечественных мыслителей всех эпох, начиная с домонгольской Руси, позволяет исследователям в первую очередь представить и оценить во всех его параметрах широчайшее полотно общественно-политических исканий мыслящей части российского общества. А также выделить в хитросплетениях различных направлений рости либеральной мысли, вначале робко проклюнувшиеся в виде олигархического протолиберализма ХУШ столетия, а затем (к концу ХІХ - началу ХХ столетия) оформившиеся в особое направление социальной мысли и достаточно широкое и влиятельное в определенных кругах интеллигенции общественно-политическое движение.

Параллельно с процессами расширения источниковой базы и систематизацией на энциклопедическом уровне исходных знаний в русле изучения истории отечественного либерализма шел процесс её научного познания на инновационном уровне.

Не имея возможности в рамках одной статьи остановиться на всех аспектах обширной историографии проблемы, отметим, что событием принципиального значения на этом пути стал выход в свет в 2004 г. коллективной монографии «Модели общественного переустройства России: ХХ век» [11]. Авторы этого исследования поставили перед собой задачу «системно представить сущность моделей общественного преобразования, а также формы и механизмы их реализации, предлагаемые различными представителями интеллектуальной и политической элиты России» [11, 6]. При этом либеральная мо-

дель рассматривалась авторами данного раздела (В.В. Шелохаевым и Н.И. Канищевой) в диалектическом взаимодействии с проектами других общественно-политических движений страны.

Основные параметры современного понимания места и роли либеральной мысли и либерального социально-политического движения в общественной жизни России конца XIX – начала XX столетия, исследовательски обозначенные в вышеупомянутой монографии, получили дальнейшую конкретизацию и развитие в целой серии конкретно-исторических и историографических разработок. Назовём только некоторые из них. И, прежде всего, серию докторских диссертаций учеников профессора В.В. Шелохаева – главного, на мой взгляд, специалиста в данной области, организатора и руководителя **школы исследователей истории отечественного либерализма**.

Речь идет прежде всего о защищенных в последнее пятилетие в Московском государственном областном университете при научном консультировании В.В. Шелохаева докторских диссертациях, посвященных таким проблемам, как: отечественная историография российского либерализма начала XX в. [А.Н. Егоров 2010]; законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе 1906-1917 гг. [Д.В. Аронов 2005]; внешнеполитическая доктрина Конституционно-демократической партии [Воронкова И.Е. 2010]. В конце июня текущего года преподавателем Мичуринского государственного аграрного университета Н.В. Антоненко была успешно защищена докторская диссертация, анализирующая эмигрантские концепции и проекты переустройства России 20-х – 30-х гг. XX века [1].

На важность и актуальность рассмотрения истории российского либерализма в контексте других течений общественной мысли указывают и зарубежные исследователи. Утверждая тот сегодня уже очевидный факт, что «история общественной мысли России несомненно входит в расширенные рамки истории европейской общественной

мысли», французская исследовательница Ж. Грандей обращает особое внимание на то обстоятельство, что «все эти вопросы являются злободневными и для современной России». Она считает, что «историки несут определенную ответственность за осмысление сегодняшних проблем, поскольку восстановление генезиса политических ценностей наших обществ освещает новым светом современную ситуацию и открывает новые возможности в решении социальных и политических проблем» [15, 687].

Отечественный либерализм как мировоззрение, философская доктрина, социальная теория и социально-политическая практика ведет своё начало со второй половины XVIII в., с эпохи «просвещённого абсолютизма» Екатерины II. Отдельные исследователи называют его протолиберализмом или же олигархическим либерализмом, поскольку носителями его первоначально выступали представители феодальной аристократии.

С середины XIX в. либерализм приобретает достаточно массовый характер. Социальной опорой его становятся уже разночинцы, образованные представители различных социальных слоёв российского общества. Процессы, потребности и вызовы модернизации России в обстановке подготовки и осуществления «великих реформ» 60-70-х гг. XIX столетия выдвинули на авансцену либерального движения таких идеологов и теоретиков, как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, С.М. Соловьёв.

Своего наивысшего расцвета либеральная мысль и либеральное общественно-политическое движение достигли в начале XX столетия. Резкое обострение социально-политической обстановки в стране, вылившееся в события Первой российской революции 1905–1907 гг., вынудило самодержавие дрогнуть, заставило Николая II выпустить Манифест 17 октября 1905 г., «даровавший населению» политические свободы (совести, слова, собраний, союзов), неприкосновенность личности, вводивший в политическую структуру Империи Государственную думу в качестве законодательного органа власти.

Именно на базе этих изменений неолиберализм начала XX столетия получает относительно широкое распространение не только как феномен общественной мысли, но и как достаточно распространенное прежде всего в кругах интеллигенции социально-политическое движение. Формируются легальные либеральные политические структуры, ключевое значение и влияние среди которых получают партии Конституционных демократов (кадетов) и «Союз 17 октября» на правом фланге либерального движения.

Кадетская партия, получившая официальное наименование «Партия народной свободы», выдвинула из своей среды в качестве лидеров, определявших её стратегию и тактику, таких ярких и неординарных личностей, как ученый-историк П.Н. Милюков, высокообразованные аристократы, князья из древнего рода Рюриковичей Павел и Петр Долгоруковы и Дмитрий Шаховской, академики В.И. Вернадский и П.Б. Струве, профессора С.А. Муромцев, Владимир Матвеевич Гессен, А.А. Корнилов и другие.

Большинству из лидеров кадетской партии пришлось испить горькую чашу политических изгнанников в следующий за 1917 годом период истории. Но и находясь в эмиграции, они не переставали думать о будущем России, разрабатывая модели её развития после краха большевистского режима, в неизбежность которого они *свято* – в полном смысле этого слова – верили, видя в ренессансе православия одно из неперемных условий возрождения страны.

Современные специалисты, особенно те, кого связывает с данным течением не только исследовательский интерес, но и личные мировоззренческие и общественно-политические устремления, определяют либерализм как идеологию, отстаивающую жизненно необходимый минимум прав личности. «Именно в этом, – пишет в этой связи А.Н. Медушевский, – состоит фундаментальное единство либерализма и причина его постоянного возрождения во всё новых условиях и обличьях» [24, 527; 12; 13].

Интересно будет сравнить данную де-

финицию с тем определением, которое содержится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, вышедшего первым изданием в 1866 г., т. е. в пору расцвета классического либерализма с русской спецификой. «Либерал, – согласно определению В.И. Даля, – политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; желающий большой свободы народа и самоуправления». Отсюда либеральничать, согласно Далию, – это «выказывать из себя политического вольнодумца; вольномысличать» [6, 251]. Из этого следует, что политическая константа в либерализме уже в XIX в. представлялась современниками процессов капиталистической модернизации страны первостепенной по важности. В начале же XX в. она становится определяющей.

Теоретически выстроенная идеологами и лидерами кадетской партии модель будущего развития страны может быть в кратком виде представлена следующим образом.

«Символом веры» российских либералов были идеи гражданского общества и правового государства. Это позволило им сконструировать альтернативную авторитарному режиму рационалистическую модель общественно-политической системы, базирующейся на принципах разделения властей, верховенства закона, всестороннего обеспечения прав личности и социальных гарантий граждан, на идеях формирования правового государства, создания эффективной рыночной экономики, на основах цивилизованного решения национальных, конфессиональных, внутри- и внешнеполитических проблем.

Характерно, что Программа Конституционно-демократической партии 1905 г. начиналась с формулирования основных прав граждан (равенства перед законом, свободы совести и вероисповеданий, свободы слова, печати, публичных собраний, организации союзов и обществ, свободы передвижения с упразднением паспортной системы, свободы выезда за границу и т. д.).

При обсуждении данной Программы на Учредительном съезде партии от профессора Московского университета Павла Ивановича

Новгородцева поступило предложение (к сожалению, не получившее тогда поддержки) о внесении в программу положения о том, что «русский закон признаёт право на достойное человеческое существование, право на труд и нормальное приложение труда» [25, 158]. На тот момент это была новация не только на отечественном, но и на мировом уровне.

В решении вопроса о государственном устройстве будущей России большая часть идеологов и политических лидеров отечественного либерализма стояла – вплоть до падения царизма – на позициях эволюции самодержавия в конституционную или парламентарную монархию по типу английского парламентаризма. И лишь в марте 1917 г. по решению УП партийного съезда конституционных демократов в программу партии было внесено положение, согласно которому желательным для России государственным устройством объявлялась демократическая парламентская республика [21, 326].

Обращают на себя внимание программные требования кадетов в части рабочего законодательства, предусматривающие свободу рабочих союзов и собраний, право стачек, введение восьмичасового рабочего дня, охрану труда женщин и детей. Распространяя все права и свободы граждан на область просвещения, конституционные демократы стояли на позициях введения всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе и организации материальной помощи нуждающимся учащимся [21, 332-333].

В своем итоговом выражении теоретическая модель либерального переустройства России представляется сегодня исследователям в виде своеобразного синтеза субмоделей, получивших свое отражение в программатике нескольких либеральных партий. Факт «расщепления» общей либеральной модели следует оценивать диалектически. С одной стороны, он вел к ослаблению социально-политических позиций либерального движения как единого целого. С другой же стороны, расширял диапазон социально-политического маневра либералов, позволяя

им в зависимости от конкретной ситуации выдвигать то одну, то другую субмодель и на протяжении длительного времени сохранять действенность своих программных требований. Перед нами – интересное и важное наблюдение авторов вышеупомянутой коллективной монографии «Модели общественного переустройства России: XX век», не потерявшее своей актуальности по сей день.

Свой последовательный эволюционизм в решении не только тактических, но и стратегических задач российские либералы начала прошлого века (в разительном отличии от либералов, «демократов» конца того же века) рассматривали как наиболее действенное (с учетом черт ментальности такого инерционного социума, каким был тогда – и в немалой степени остается сегодня – российский социум) средство «наикратчайшим путем, – по выражению видного деятеля кадетской партии Ф.Ф. Кокошкина, – приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы» [11, 225].

Возникает законный вопрос, почему же либеральная модель переустройства России, обладавшая многими привлекательными чертами в её требованиях и предложениях, ориентированных на социальный компромисс и эволюционный путь модернизации страны, не получила массовой поддержки и была в конечном счете отброшена социальной практикой?

Попытаться ответить на этот вопрос можно на одном частном, но очень важном примере. Речь идёт о программных требованиях конституционных демократов по аграрному вопросу.

Прогресс сельскохозяйственного производства представлялся кадетам в виде двуединого процесса: с одной стороны, упрощения крупных помещичьих латифундий капиталистического типа, с другой же стороны – всемерного развития базирующихся на мелкой земельной собственности крестьянских хозяйств. Первостепенной важности мера в русле решения данной задачи формулировалась в программе следующим

образом: «Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом...». Для этого планировалось создание государственного земельного фонда из, прежде всего, государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель. Кроме этого, фонд должен был пополняться «путем отчуждения для той же цели за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке» [21, 331].

Иными словами, конституционные демократы в своей аграрной программе стремились воплотить ту меру социального компромисса, на которую можно было, как им представлялось, склонить помещиков, и в разумности и целесообразности которой убедить, в конечном счете, крестьянство. Характерные черты российского типа либеральной идеологии и программатики начала XX в. нашли в таком подходе достаточно яркое проявление: эволюционизм, приоритет права, незыблемость начал частной собственности, государственничество, установление и соблюдение единых для всех гражданских прав, в том числе права человека на достойное существование.

В результате программные представления и требования либеральных сил России по земельному вопросу, в первую очередь их левого крыла, обладали той степенью умеренности, рациональности и вместе с тем конструктивности, которая давала обществу неплохие предпосылки для вполне успешного начала долговременного эволюционного процесса реформирования аграрной сферы, избавления её от пережитков докапиталистических отношений.

Но к началу XX в. историческое время для развертывания такого рода модернизационного процесса было безнадежно упущено. Недоверчивость, враждебность и конфронтационность культуры социальных отношений и политической культуры в стране не позволили плодотворным идеям компромисса трансформироваться в социально-политическую практику. Сама мысль

о каком бы то ни было согласии, основанном на обоюдных уступках, вызывала неприятие и отторжение у потенциальных субъектов компромисса: помещиков, с одной стороны, и крестьян – с другой.

И в этом заключалась не вина, а историческая беда либерального движения в России, неотвратимо вступавшей в полосу революционных потрясений [7].

Февральская революция 1917 г. первоначально дала либералам в широком их понимании (кадеты, октябристы, прогрессисты) шансы на определяющее влияние на происходившие в стране процессы. Так, в первоначальном списке членов Временного комитета Государственной думы, созданном 27 февраля 1917 г. для восстановления порядка в стране, 7 человек из 12 представляли партии либерального толка [3, 114], что отразилось и на партийно-политической структуре Временного правительства первого состава. Из 10 его членов 4 были кадетами: П.Н. Миллюков, Н.В. Некрасов, А.А. Мануйлов, А.И. Шингарёв.

Затем, однако, по мере радикализации революционного процесса политические тенденции либералов стали резко падать. В ходе выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. кадетам отдали свои голоса 4,5% избирателей, что позволило им получить только 14 депутатских мандатов из 766 (1,8%) [22, 108]. Объявление большевиками (декрет Совнаркома от 28.11.1917 г.) Конституционно-демократической партии «партией врагов народа» окончательно лишило их возможности легальной политической деятельности в пределах собственной страны.

В итоге массовой эмиграции из Советской России за рубежом оказалось практически всё руководящее ядро Конституционно-демократической партии (28 членов ЦК, значительная часть председателей губернских и областных комитетов партии). Их представления о будущем России стали отличаться пестротой и противоречивостью. Одни из них категорически отрицали все то, что принесли в жизнь страны не только Октябрьская, но и Февральская революция. Другие

же (Иосиф Владимирович Гессен) заявляли: «Мы вовсе не желали революцию, но раз она произошла, то надо извлечь из неё всё положительное». Но увидеть и объективно оценить это положительное из эмигрантского далека они были уже не в состоянии [16, 118-123].

Как фиксируют современные исследователи, проекты переустройства России, выдвигаемые либералами (и не только ими) в условиях эмиграции, носили в основе своей уже «догоняющий» характер: «Страна стремительно менялась, осмысление эмиграцией происходящих в ней перемен осуществлялось «со слов» очевидцев, а не через личное ощущение и восприятие. Эмигранты пришли «из другой России», которую они хорошо знали и понимали, им трудно было осознать и почувствовать, какими нуждами и чаяниями живёт советский народ» [1, 22].

В итоге теоретическая и общественно-политическая деятельность российских либералов в эмиграции сошла на нет к середине 30-х гг. прошлого века. Она осталась жить в анналах истории, чтобы через шесть десятилетий воспрянуть и, казалось бы, получить вторую жизнь.

Но что мы имеем на самом деле? Для уяснения этого вопроса необходимо обратиться к современности.

Радикальные силы российского общества, захватившие на время, главным образом в первой половине 90-х годов прошлого столетия, ключевые плацдармы в идеологической и политической жизни страны, позиционировали себя в качестве наследников и продолжателей дела отечественных либералов начала XX в. Характерны в этом плане претензии тогдашних программных документов, исходивших от партии Демократический выбор России – партии Егора Гайдара на то, чтобы представить себя наследниками идей и политических традиций П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова и В.И. Вернадского. При этом авторов этих документов не смущал тот факт, что программные принципы гайдаровской партии и, главное, образ и характер её практической деятельности вступали в резкое

противоречие с представлениями, идеалами, образом мысли и действия представителей той же Конституционно-демократической партии России начала прошлого века. Ибо дореволюционные российские либералы (в отличие от «демократов» 90-х гг.) были:

– во-первых, последовательными эволюционистами, отличавшимися, по оценкам современников, «осторожностью и политической дальноркостью»;

– во-вторых, убежденными государственниками и сторонниками верховенства права, усматривавшими сущность либерализма, по крылатому выражению Б.Н. Чичерина, «в примирении начала свободы с началами власти и закона»;

– в-третьих, яркими представителями и принципиальными сторонниками «чистых рук» в политике и практической деятельности вообще.

О чистоте рук организаторов, апологетов и адвокатов событий сентября – октября 1993 года говорить не приходится, как и о заявлении автора книги с претенциозным названием «Государство и эволюция» и иже с ним на роль защитников ненасильственных методов осуществления социального прогресса при важной роли государственного начала в ходе реализации задач такого прогресса. Наконец, трудно заподозрить в инициаторах и исполнителях политики так называемой «шокотерапии» лихих 90-х гг. горячих защитников сформулированного дореволюционными либералами – в чередезе незыблемых прав личности – права простого человека на достойное существование.

Современные российские либералы начала второго десятилетия XXI в., конечно, во многом изменились, стали респектабельнее. Исчерпав в основном возможности захвата и передела собственности неправовыми методами, они стали на позиции незыблемости и законности своих прав на эту собственность. Но унаследованная от 90-х гг. прошлого века ставка на решение собственных проблем и достижение своих целей за счет общества, за счет обездоленного ими народа сохранилась. Об этом свидетельствуют, в частности, заяв-

ления и предложения недолго пробывшего в качестве лидера партии «Правое дело» Михаила Прохорова.

Углублённое изучение истории общественной мысли в нашей стране убеждает в том, что не следует торопиться хоронить те идеи и концепции, которые сегодня кажутся «отработанным паром» локомотива истории. Завтра они могут – как Феникс из пепла – возродиться и зажечь новой жизнью, будучи социально востребованными в контексте пока еще неизвестных нам вызовов будущего. А это дает нам полное право говорить о не подверженной коррозии времени *самоценности* богатейшего идейного наследия российской цивилизации.

Что можно сказать в этой связи о перспективах либеральной идеологии и либерального движения в нашей стране?

Перспективы эти, конечно, имеются. Цели и идеалы, за которые боролись лучшие представители либерального движения XIX и начала XX столетия, далеко не исчерпали своей исторической значимости на современном этапе все ещё продолжающегося поиска нашей страной своей цивилизационной и модернизационной идентичности, своего пути в будущее. Однако для более полной реализации своих потенциальных возможностей современной либеральной мысли и современному либеральному социально-политическому движению предстоит ещё нелегкий путь самосовершенствования и адаптации к российским реалиям. Претензии единомышленников М. Прохорова на полную победу «Правого дела» в ходе настоящего или же ближайших электоральных циклов вряд ли стоит оценивать иначе, чем обычную предвыборную риторику и тактику давления на своего потенциального избирателя.

Для того, чтобы стать действительно серьёзной силой, либералам необходима «генеральная» ревизия и переоценка своего мировоззренческого и идеологического багажа, доставшегося им в наследство от «революции сверху» достопамятных 90-х гг. Этой псевдореволюции, ориентированной на далекие от духа либерализма цели первоначального

накопления капитала, – а проще говоря, растаскивания государственной собственности. И, в связи с этим, – пересмотр форм и методов своей партийно-политической деятельности.

Это прекрасно понимают и тяготеющие к либеральной идеологии исследователи российского либерализма. «Сегодняшней России, – утверждает А.А. Кара-Мурза, – как никогда, нужна реабилитация либерального проекта – не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. А это означает, что на переднем плане наших исследований должно проявиться подлинное кредо либерализма – кредо не отрицательное, а творческое, промысливание и конструирование новой социальности» [15, 428].

Не усматривая серьёзных оснований для надежд (и публичных заявлений) некоторых либеральных деятелей на быстрое восстановление утраченных позиций в политическом спектре страны, полагаю, что определенный ренессанс либеральной идеологии и либерального общественно-политического движения ещё впереди. Но не в виде претензий на единоличный диктат, на «второй раунд» в продолжение прерванного обществом на исходе 90-х гг. радикального социального эксперимента, а в форме органической составляющей интегральной модели отечественной модернизации.

В современных условиях, справедливо подчеркивает в этой связи Л.А. Опёнкин, «нашему народу требуется не только, а точнее, не столько *великая*, сколько *нормальная, правильная* Россия, способная обеспечить людям достойное качество жизни, сопоставимое с передовыми странами мира... При этом следует отчётливо сознавать (и не делать из этого никакой трагедии!), что применяемые формы и методы работы по достижению этой стратегической цели первого порядка (обеспечения высокого качества жизни) могут быть как из либерально-демократического, так и из традиционного для нашей страны административно-командного арсенала – в рамках соблюдения существующего законодательства, основных прав

и свобод приемлемы любые средства, обеспечивающие конечный результат. При этом необходимо отдавать себе отчет и в другом: не изменив кардинально качество жизни народа, невозможно надеяться на достижение конечной стратегической цели обустройства новой России – осуществление перехода от мобилизационного к органическому, саморазвивающемуся типу общественного устройства, только и способному обеспечить условия для расцвета свободы, демократии, либерализма» [15, 76-77].

К этому, пожалуй, стоит добавить, что такая постановка вопроса вполне укладывается в стратегические параметры видения будущего России в трактовке, предложенной ещё дореволюционным отечественным либерализмом.

В заключение хочу подчеркнуть, что конкретно-исторический подход позволяет за абстрактными теоретическими конструкциями увидеть один из актов драмы поиска Россией своей модернизационной идентичности, которая разворачивалась на авансцене осмысления в тех или иных вариациях идентичности цивилизационной. Драмы идей и теоретических моделей преобразования страны и видения её будущего, оставшихся в основе своей нереализованными. Драмы различных социальных и политических сил, уверенность которых в эксклюзивной истинности предлагавшихся ими путей в это будущее оказалась призрачной. Драмы искренних и честных апелляций предреволюционных либералов к умеренности, эволюционизму, трезвости и реализму, оказавшихся отброшенными суровой социальной практикой революционной эпохи. Наконец, драмы строительства общественных отношений по лекалам одной из социалистических моделей, столь популярных в стране со второй половины XIX в. и представлявшихся целому ряду поколений отечественной интеллигенции если не идеальными, то предпочтительными.

Тем не менее осмысление исторического опыта моделирования сложных и внутренне противоречивых идеологических доктрин и

освященных ими общественно-политических течений России эпохи социальных потрясений вековой давности и сегодня носит ярко выраженный конструктивный характер. Это делает усилия в русле решения данной задачи полезными не только для историков, обществоведов в целом, но и для ныне действующих политиков.

Именно им современные исследователи общественной мысли и многовековой социальной практики нашей страны адресуют свои, основанные на конкретных исследованиях, выводы о том, что «для “мира миров”, каким и является Россия, необходима именно синтетическая общенациональная модель социального развития, учитывающая совокупность исторических особенностей и традиций. Разработать и принять такую модель может лишь само общество» [11, 565].

«Нащупать», найти, «выстрадать» своё, оптимальное именно для России (в этом основная трудность!) сочетание в такой интегральной модели начал либерализма, консерватизма и социализма различных оттенков (что в той или иной мере уже удалось сделать «продвинутым» странам от А до Я: от Англии до Японии включительно) – в этом сегодня и состоит «вопрос вопросов» в поиске нашей страной своего места в мире и пути в будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20-30-е гг. XX в.). Автореферат диссертации ... д-ра ист. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 60 с.
2. Всероссийский национальный Центр. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Государственная Дума России: Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. Государственная Дума Российской Империи (1906-1917 гг.) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2006. 768 с.
4. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917: Энциклопедия. Изд. 2-е / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
5. Государственный Совет Российской Империи. 1906-1917: Энциклопедия / В.В. Шелохаев (отв. ред.)... М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2. М.: Русский язык, 1978. С. 251.

7. Журавлев В.В. Земля – это Россия (Программные установки политических партий России начала XX столетия по проблеме собственности на землю) // Задавая вопросы прошлому... К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева. М., 2006. С. 187-200.
8. Журавлев В.В. «Нет ничего сильнее мысли». Из опыта подготовки энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1 (50). С. 44-57.
9. Котов Сергей, академик АПСН. О либерализме с «русским лицом» - http://www.stoletie.ru/kultura/o_liberalizme_s_rossijskim_licom_2010-10-18.htm
10. Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
11. Модели общественного переустройства России: XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.
12. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998.
13. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9.
14. Общественная мысль России ХУШ – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. 640 с.: ил.
15. Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
16. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.: ил.
17. Партии промышленников и предпринимателей. М.: РОССПЭН, 2003.
18. Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М.: РОССПЭН, 2002.
19. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 тт. М.: РОССПЭН, 1996-2000.
20. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996.
21. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 464 с.
22. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 108.
23. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 тт. М.: РОССПЭН, 1994-2001.
24. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с.: ил.
25. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 тт. Т 1. М.: РОССПЭН, 1997–2000.